

тей. Она была музыкальна. Все это никак не «тянет» на старуху-процентщицу, хотя образ жизни Варвары Михайловны в ее последние годы и дает известные основания для сближений такого рода.

Изо всех сестер с Варварой Михайловной отношения у Достоевского, пожалуй, наиболее близкие. По словам Андрея Михайловича, он любил ее как сестру и уважал «как женщину редкого ума и твердого характера». Вдова, обремененная детьми, она посылает ему в Семипалатинск свою скромную лепту. Именно ей сообщает Достоевский «план» своего первого брака – делает старшую из сестер своим конфидентом. Именно ей доверяет он довести до сведения «москвичей» этот в высшей степени несвоевременный с их точки зрения прожект.

Варвара Михайловна была добрым и преданным другом. На протяжении жизни брат ни разу не упрекнул ее ни в чем.

«Я ее люблю; она славная сестра и чудесный человек», – скажет он за два месяца до собственной смерти. «Ты один вспомнил обо мне 4-го декабря (в день ее именин; это письмо Достоевского неизвестно. – И.В.), – пишет она брату в первый день нового, 1881 г. – Все мы разбросаны в разных городах и живем точно чужие... Крепись и мужайся, милый мой братику, ведь мы с тобой не Бог знает какие старики. Бог даст, проживем». После этого Бог даст ему еще четыре недели.

Родившаяся в 1822-м, годом позже брата Федора, она вместе с ним, а также с братьями Михаилом и отчасти Андреем принадлежала к первому старшему поколению детей: здесь крепки именно горизонтальные связи.

Судьба сестры Вареньки волновала Достоевского.

Круглая сирота, она выйдет замуж семнадцати лет – за П.А. Карепина: первый брак среди всех братьев и сестер. Двадцать пять тысяч, полученных в приданое от Куманиных, очевидно, сыграли в этом замужестве не самую последнюю роль. Во всяком случае, так мог полагать брат Федор Михайлович, которому никогда не доведется увидеть сорокачетырехлетнего вдовца, мужа его сестры. Однако они переписывались.

Став супругом Варвары Михайловны, Петр Андреевич Карепин сделался одновременно и опекуном осиротевшего семейства (совокупно со старшим братом М.М. Достоевским). Именно из его рук братья и сестры получали теперь причитающиеся им доли родительского наследства.

Принято считать, что черты П.А. Карепина нашли отражение в образах: господина Быкова в «Бедных людях», который берет за себя сироту – *Вареньку* Доброселову; Петра Александровича в «Неточке Незвановой»; Петра Петровича Лужина в «Преступлении и наказании». Два последних обладают одинаковым с Карепиным именем (оно вообще имеет у Достоевского исключительно отрицательные коннотации), а Лужин еще и чином: надворный советник. Господин Быков и П.П. Лужин – богаты; намереваясь жениться на бедных девушках, изображают их благодетелей. Видимо, незнакомый ему лично Карепин весьма занимал Достоевского, если он сподобился отразиться в трех не самых привлекательных его персонажах.

Хотелось бы указать здесь еще на одного героя, возможно, причастного все к тому же прообразу.

Это – Юлиан Мастакович, «сквозной» персонаж ранней (докаторжной) прозы. В «Петербургской летописи» (1847) он именуется так: «мой хороший знакомый, бывший доброжелатель и даже немножко покровитель мой». Карепин, если судить по их переписке, в известном смысле действительно «хороший знакомый» Достоевского, а в качестве опекуна – несомненный «доброжелатель и покровитель». (Разумеется, все эти определения имеют у Достоевского сугубо иронический оттенок.) Юлиан Мастакович намерен жениться, причем жениться *на деньгах*. «Истинно сказать, трудно жениться в более благоразумных летах. Он еще не женился, ему еще три недели до свадьбы; но каждый вечер надевает он свой белый жи-